С. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ

„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
Москва—1931

С. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ПОЭТИКА ЗАГЛАВИЙ

Кооперативное Издательство Писателей
„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ"
Москва—1931

Главлит № А 71089
Тираж 3000 Типогр.
Озерковский Коопе-
ратив, Щипок, д. 9.

I

Метод Десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть з а г л а в и е м. Слова на обложке не могут не общаться с словами, спрятанными под обложку. Мало того: заглавие, поскольку оно не в отрыве от единого книжного тела и поскольку оно, в параллель обложке, облегает текст и смысл,—вправе выдавать себя з а г л а в н о е книги.

Заглавие ограничено площадью: от полулиста до 32⁰. Притом: знаки титул-блатта, от столетия к столетию, стягиваются, естественно уплотняя фразеологию.

Как завязь, в процессе роста, разворачивается постепенно-множащимися и длиннящимися листами, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть — р а з в е р н у т о е д о к о н ц а з а г л а в и е, заглавие же—стянутая до об'ема двух-трех слов книга. Или: заглавие—книга in restricto; книга—заглавие in extenso.

Поверх астрономического рефрактора вделан так наз. „искатель“: это короткая, с слабым увеличением, трубка, помогающая настоящей большой трубе, несущей ее на себе, в розыске звезд: найдя нужное в поле искателя, астроном переводит глаз к окуляру телескопа и видит то, что видел, но лишь в многократном увеличении. Точно и верно сделанное заглавие и является таким и с к а т е л е м к н и г и; для этого необходимо соблюдение строгой п а р а л л е л ь н о с т и: трубки —трубе, названия—тексту. Иначе, все равно—звезда ли, смысл ли—выпадут из поля зрения. Поверка заглавия должна производиться так: определив, путем вчитывания и вчувствования в книгу, ее г л а в н о е, сравнить его с з а г л а в н ы м словосочетанием: или сосмысльны или несосмысльны, или совпадут

или не совпадут. И только в случаях коинцидентности знаков и значимостей микро-книги и макро-книги можно признать заглавие, в главном, найдено.

Тема и ее обочины

Титул-блатт дает, за редкими исключениями, заглавие наголо; обложка—в окружении других, внесловесных элементов. Тут название книги зачастую вдето в сложный шрифт, включено в ту или иную рамку и цветосочетание.

Настоящая книга, признавая всю важность этих окологлавных элементов, цепко соединяющихся вместе с лексическим материалом обложки в одно воздействие,—все же принуждена изолировать свою тему: слово о словах, т.-е. тексты названий текстов.

Однако, не к чему и слишком обуживать тему. Так в большинстве случаев из понятия „заглавие" только искусственно можно исключить имя автора. Дело в том, что писательское имя, по мере забирания им известности, превращается из собственного в нарицательное, тем самым участвуя в нарицании, т.-е. назывании книги; обжившись среди заглавий, имя как бы получает от них озаглавливающую силу и особый предикативный смысл: Августину, Руссо, Льву Толстому, в отличие от сочинителей череды книг, названия которых, часто очень длинные, тоже начинались с слова „Исповедь", излишне прибавлять к нему что-либо... кроме имени.

Даже пометы о годе и месте издания часто как бы врастают в заглавие, делаясь неотделимыми от него: так, знакомясь с лицевыми листами книг, выпущенных петербургскими издательствами второй половины XVIII в., я не мог не заметить, что обозначения „в Санкт-Петербурге" и „в граде Святого Петра" сменяют друг друга в довольно строгой зависимости от смены смыслов, уже тогда смутно распределявшихся по двум ориентациям: западнической и славянофильской („славяно-росской", как писали тогда).

На титульном листе одного польского религиозного „Календаря" под обозначением „wydany na wieczność" („издание на всю вечность") все же имеется пометка: 1863. Вынуть эту цифру из заглавия, и оно станет пустым.

У нижнего края заглавной страницы полулубочной переводной книжки „Повести Вильгельма, извозчика Парижского“ оттиснут сумбурный „100700805“ год; текст лубка также растянут и сумбурен.

Говоря о „Пестрых сказках с красным словцом“ (СПБ. 1833) В. Одоевского, не мешает знать, что заглавие это сделано типографией из разноцветных, чрезвычайно пестрых букв: наивность и наглядность приема оправданы наивностью и наглядностью содержания сказок.

Даже виньетка или издательский знак иногда слишком крепко прирастают к заглавию, чтобы можно было, не повреждая его, оторвать эти знаки от слов. Так, Новиковский „Трутень“, выпущенный в 1769 году с изображением амура, примостившегося под буквами заглавия, во втором своем издании того же года, согнав с листа амура, помещает рисунок осла, придавленного сатиром: журнал как-будто бы и не изменил своего заглавия, но смысл его определенно эволюционировал.

Но следовать за языком шрифтов и типографских красок при изучении заглавия, как такового, можно лишь в исключительных случаях: иначе сойдешь с темы на ее обочину.

Изнашивание смыслов

Пресловутые „реки“, текущие „книжными словесы“ (Кирилл Туровский, XII в.), что ни день текут все быстрей и стремительней. На смену медленно ползающих по строкам перьев пришли печатные станки и ротационные машины, и сейчас наша планета каждогодно швыряет к книжным витринам более 100.000 заглавий. О наши глаза трется слишком много текстов, чтобы мы, средние читатели средне-европейского центра, могли и хотели вбирать все эти груды букв в себя. Старое книжное „почитание“, убыстряясь в „чтение“, нередко, волею скоростей, в которые включены наши жизни, превращается в „почитывание“ быстрое скольжение по диагоналям страниц, по касательным к стилю и смыслу. Книга очень быстро выпадает из круга чтения„ отчитывается“, меняет витрину на полку книгохранилища. Та плющильная „машина времени“, в которую втягивает всю нашу книжную продукцию, в каких-нибудь 5—10 лет отжав книгам почти все их знаки, сплющивает их до об‘ема заглавия.

Сначала книгу читают, потом просматривают, позднее читают не ее, а лишь о ней. Библиография, аннотация, каталоги, литературные словари незаметно подменяют книгу ее заглавием. Мало того: как схвачено Г. Сенкевичем, даже т. н. разговор о литературе сводится обычно „к обмену заглавиями". Затем книга попадает в историю литератур: тут ей дают сначала страницу, потом абзац и, наконец, строку-две, в которых и заглавию-то ее иногда тесно, и ему остригают сначала подзаголовок, а там и обстоятельственные слова. Книга должна рассчитывать не столько на книгохранилища, сколько на емкость своего заглавия: лишь мнемонически сделанное, крепко сработанное заглавие обеспечивает книге и ее смыслу некоторую сохранность.

Ведь, историки это—рассказчики: как в историю политических событий, так и в историю библиотечных событий проникает лишь то, что удоборассказуемо: темы книг, которые легко рассказать в двух-трех словах, имеют огромное преимущество перед томами с запутанным, выпадающим из конспекта, содержимым. Они и остаются в учебниках и в памятях. Заглавие, являющееся кратчайшим из кратких рассказом о книге, самой своей краткостью защищается от смещения и извращения под пером историка: и если только оно дает вмале всю книгу, конденсирует ее, как капля жидкого воздуха, конденсирующая в себе весь кислород большого воздушного куба, то книга и получает некое подобие „бессмертия".

Мы давно уже не отдаем своего времени на чтение „Сатирикона" (I в.), „Похвалы глупости" (XVI в.), „Потерянного и возвращенного рая" (XVII в.), „Ярмарки тщеславия" (Vanity Fair, XIX в.) и т. д., но заглавия эти, будто отделившись от своих давно изношенных текстов, все еще бродят среди нас, как некии „призраки" книг.

От сценариев и текстов аттических ателлан только и осталось, что череда фрагментов и 106 заглавий, но некоторые из них достаточно хорошо сберегли в себе суть ателланова действа, для того, чтобы мы могли судить о их стиле и содержании.

Старая сказка о ведьминой загороди, на каждом острие которой по мертвой голове, применима и к истории книг: как

ни норовят книги, подобно сказочным смельчакам, проникнуть внутрь загороди,—только заглавиям их торчать на остриях критических перьев, преградивших доступ внутрь литературной ретроспекции.

II

Схематика заглавия

Взять ли из текста книги одно предложение, в нем всегда отыщется подлежащее и сказуемое,—взять ли текст книги целиком, он тоже всегда разложим на суб'ект и предикат, на тему и высказыванье, на то, о чем говорит книга, и то, что она говорит. Поскольку заглавие лишь конденсирует тему и высказывание своей книги, оно, естественно, должно отливаться в форму логического суждения: S есть P.

Логически-пропорциональные заглавия и сложены всегда из двух частей: суб'ектной и предикатной.

Пример: „Философия (S) как мышление о мире по принципу наименьшей меры сил (P)" („Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Prinzip des kleinsten Kraftmasses", 1876). Книга Авенариуса, так названная,—лишь простой комментарий к своему заглавию; пусть последнее литературно сделано и не совсем ладно, зато крепко.

Примеры, более близкие к канону: „Жизнь есть сон" (S есть P; Кальдерон, XVII в.); или: „Жизнь начинается завтра" (Гвидо де-Верона). Различие в предикатах составляет основной источник смыслового многообразия заглавий, которые оперируют с относительно ограниченным количеством логических суб'ектов.

Но заглавие-логограмма, целиком вдевающееся на схему „S есть P", встречается не часто,—и особенно сейчас, в наше время, почти выводится с книжных витрин.

Удвоение заглавий

Заглавие, поскольку ему сразу не удается вобрать в себя всю книгу, пробует сделать это по частям, как бы в несколько глотков. Если книга не отыскивается в первой же строке суждения, возникает второе суждение—строка: от их встречи на титул-блатте, как от встречи координат, отыскивается опорная точка. Так, простое заглавие, длиной в одно суждение, наращивает на себя доба-

вочные заглавия, отделяющиеся от основного, а также друг от друга, традиционным (часто в отдельную строку): или—сиречь—албо—aut (sive, seu)—or—ou—oder и т. д.

Например: „Поизмятая роза, или забавные похождения прекрасной Ангелики с двумя удальцами. 1790“: координаты пересеклись. Или: „Мысли Наполеона при вступлении в Москву, или разговор совести с различными его страстями. 3-е сентября 1812 г. СПБ. 1813“.

Стремление озаглавить до конца, дать максимум определенности, заставляет, например, русского переводчика Цветикова удвоить библейское заглавие Екклезиаста так: „Священная Сатира на суету мира, или Екклезиаст премудрого пророка Соломона. М. 1783“.

В основе двоения заглавий лежит двойная окраска наших психических содержаний, распадающихся на а) логические процессы и б) эмоциональные испытывания. Идея и образ, логика и эмоция при построении текста, особенно если он не чужд элементов художества, как бы оспаривают друг у друга и книгу, и ее название: „Аптека для души, или систематическая алфавитная роспись книг... Киев. 1849“.

Или: „Theologia Naturalis sive Viola animae“ (Естественное богословие, или Скрипка души. Раймунд Сабундский. Изд. XVI в.). Скрещение образа с понятием превращается в своего рода шаблон при наименованиях стихотворных сборников конца XVIII в. и начала XIX в. Например: „Лира, или собрание разных в стихах сочинений и т. д. СПБ. 1773“, „Бытие сердца моего, или стихи и т. д. 1817“.

Вообще эмоционально-логическое членение заглавия к XVIII веку прочно закрепляется на ведущем книгу листе,—им пользуются и в серьез и в шутку, применяя его как найденную готовую форму:

„Плач Юнга, или Нощные Размышления о жизни, смерти и т. д.“ (перев.).

„Девичья Игрушка, которою могут заниматься и мужчины, или Пукет цветов не для грудей, а для сердца. СПБ. 1791“.

Однако, возникновение внутри заглавия союза „или“ говорит не столько о расчленении темы или о писательском приеме двоения ее, сколько о расслоении читателя, на

которого рассчитано заглавие и книга. Внимательное изучение названий детских книг показало мне, что внутри их, пусть в скрытом виде, почти всегда, если не буквенно, то смыслово, находится „или“, двоящее их словесный материал. Расчет озаглавливателя в данном случае ясен: читают детскую книгу дети, но покупают ее взрослые; заглавием надо что-то сказать и тем и этим.

По мере дифференциации читателя на классы, веры и партии, по мере его расслоения по степеням грамотности и учености,—и книга расслаивает свое заглавие, стремясь притянуть к себе возможно больше глаз. Отсюда заглавия, из'ясняющие себя самих: „Дикционер, или Речениар. СПБ 1780“; „Воздухословие, или прямой способ предузнавать перемены воздуха в различных сторонах. М. 1792“.

Старая малопонятная „Диоптра“ самораскрывается в „Диоптра альбо Зерцало. 1612“, но и „зерцало“, отразив, отражается в „Зерцало, или Огледало. М. 1847“.

Впервые заглавие делается двуязычным в религиозно-полемической литературе, например, у нас к концу XVII в. Литература эта стремится убедить обе стороны и расширить круг своего воздействия за пределы ученых „чтителей“. Отсюда возникают:

„Литос, сиречь камень веры...“.

„Антидот, или возражение на книгу Апология, писанную...“—и множество в таком же роде.

Полузаглавия

В противоположность процессу двоения, легко обнаруживаемому при изучении старых книг, не трудно заметить и другой процесс, особенно характерный для современности: обезглавливание заглавий.

Верстатка оказывается теперь часто короче самых коротких заглавий-суждений,—и тогда суждению отрывают или его предикат или его суб'ект. Отсюда неполные суждения, заглавия-инвалиды, которые являются или беспредикатными или бессуб'ектными полузаглавиями.

Наиболее обычная разновидность полузаглавия—заглавие, лишенное предиката. Иногда это мотивировано: так в появлявшихся прежде в большом количестве „Разговорах в царстве мертвых“ (традиция Лукиановского заглавия), сводивших для

диалога какую-нибудь знаменитость новопреставленную с „старопреставленной“, как, например, Сумарокова с Ломоносовым или Кутузова с Суворовым (СПБ. 1813),—имена „разговаривающих“ всегда достаточно предикативны (см. выше), и высказывания их предугадываются читателем, неизвестным остается лишь то, как сочетаются два известных.

Беспредикатное заглавие оправдано, хотя бы частично, и в том случае, когда самый предмет книжного изложения нов и остро интересен, независимо от того или иного к нему отношения со стороны автора. Так, Порадовская, пишущая для французов брошюру „Popes et popadias. P. 1893“, не нуждается в предикате. Однако, при рассмотрении целых ворохов заглавий, обходящихся без предиката, далеко не всегда можешь отыскать хотя бы подобие мотива, оправдывающего это отсекание самой сутевой части в названии текста. 90% лишенных высказывания заглавий без‘языки оттого, что книгам, несущим их, нечего сказать. Любая полка книжного магазина наших дней может взять на себя труд приводить примеры: слово предоставляется ей.

Чистое бессуб‘ектное полузаглавие, в противоположность заглавию беспредикатному, почти раритет. Только взрыв эмоции или упорная работа абстракции может оторвать высказывание от его предмета; иначе, предикат, логически-незаконно выключенный в беспредметность, теряет убеждающую силу и способность впечатлять.

Когда П. Абеляр озаглавливает свою исторически-первую критику библейских текстов „Sic et Non“ (Да и Нет), то ему нет надобности добавлять, о чем спорят его Да с его Нет, потому что подударные библейские тексты и для него и для читателей XII века, к которым обращено заглавие, все. Имя Сёрена Кьеркегора, ассоциированное для его современников с понятием диалектической морали, умело, став рядом с заглавием-предикатом „Aut—Aut“ (Enten—Eller: Или—Или. 1843), дооб‘яснить книгу. Если бессуб‘ектные названия в роде „Vorwärts“ (или его повтора „Avanti“) лишь смутно указывают на удобства и вместе с тем опасность системы широкого беспредметного озаглавливания, то польский сборник вялых и бесцветных стихов „Frustra“ (Тщетно. Изд. 1908),

равно как и „предикат“ небезызвестного в свое время Федора Глинки, выпустившего в 1854 году книжку „Ура!“,—приводят к примитиву, на который незачем расходовать комментарии.

Если отсечение предиката делает заглавие неподвижным, статичным, как бы обезноживает его, то заглавию, лишенному своего логического суб'екта, приходится жить и здравствовать на безголовую стать: подвижность его от этого не слабнет, заглавие сохраняет известное проворство в ногах, но ноги без головы приводят, как в случае с Vorwärts'ом, к совершенно неожиданным порогам.

Жизнеописание „потентата“

На одной старой, помеченной 1725 годом, книге обозначено: „...писания от потентатов к потентатам“.

История имени автора, его странствия по заглавному листу, из шрифтов в шрифты, разрастание и изникновение — все это почти приключенческое жизнеописание „потентата“, лишь постепенно раскрывающего свою потенцию.

Первоначально заглавный лист безыменен. Книга мыслится как бы самописной,—и любопытно, что даже философ довольно позднего периода И. Фихте, выпустивший первую свою работу неподписанной, неоднократно возвращается к утверждению, что „предмет должен сам себя излагать, пользуясь пишущим лишь как своим органом“ („Reden an die deutsche Nation. 1807-08“).

Действительно: первоначально автор лишь „орган“ в организме книги, и имя его, если проступает на титульный лист, то где-нибудь в концовке заглавия, затиснутое в мелкобуквье. Псевдоним Ин. Анненского „Никто“ является лишь реминисценцией о тех временах, когда писатель и был никто и не претендовал даже на десяток букв в заглавии. Правда, несколько гигантизированных имен—Аристотель, Августин, Иоанн—служат укрытием множеству безыменных, прячущихся внутрь имен-колоссов, как ахеяне внутрь троянского коня,—лишь с тем, чтобы связать свои писания со старой философией и богословской традицией.

В русской, например, старой оригинальной и переводной книге превалирует, оттесняя индивидуальные имена, общее

обозначение религии, народа, класса, иной раза даже города, в которые включает себя, растворяясь, как частное в общем, автор: „Советы душе моей, творение христианки, тоскующей по горнем своем отечестве. Посл. изд. 1816“.

„Женское сердечко, или премудрые наставления женскому полу, приспособленные к правилам нынешнего века, сочинение российское. СПБ. 1789“.

„Плуг и соха, писано степным дворянином. М. 1806“.

В последнем случае, когда класс или сословность автора тесно связывается с темой, тема вынуждает подчас полураскрытое имя к полному раскрытию. Например: „Написание вдового попа Георгия Скрипицы, из Ростова города, о вдовствующих попех“ (год издания не означен).

Понемногу, буква за буквой, имя автора как бы втискивается на заглавный лист, отвоевывая себе строку за последним „или“ заглавия: оно ютится в тесных и мелких шрифтах, часто не смеет себя полно назвать, прячется в псевдонимы, звездочки и точки, но любопытно, что в столичных изданиях русской книги второй половины XVIII века в строках заглавия уже всегда заявлено если не самое имя, то право на имя.

Стихи, например, авторизуются как принадлежащие перу „Некоторого любителя. СПБ. 1773“. Книга противомасонского союза полуподписана неизвестным лицом „Непричастным Оному. 1780“ (приписывают Екатерине II). Заглавие одной ин октаво 1794 года заканчивается уклончивым: „...сочинил он, а перевел я“. Здесь тема этой статьи пересеклась с темой о псевдониме.

Псевдоним вначале пытается скрыть автора, но подчинившись общей судьбе имени на заглавном листе, постепенно эволюционирует от скрывающих, латентных форм к формам возможно полного раскрытия будущего „потентата“. Защитный цвет его постепенно меняется на цвет сигнальный. Если вначале „потентат“ книги пользуется псевдо-именем, как серым плащем, скрывающим его, то впоследствии он надевает поверх своего имени псевдо-имя, как яркую и ловко скроенную одежду, иной раз даже подчеркивающую те или иные черты. Ведь простое чувство заглавия должно напоминать озаглавливателю о том,

что на титул-блатт, где все буквы на счету, и буквы его имени могут быть допущены, лишь пройдя сквозь осмысление: на заглавном листе, который должен быть сплошным смыслом, конденсацией текста в фразу (см. выше), псевдо-именами выглядят не псевдонимы, а „настоящие" имена, литературно ничего не выражающие. Молодые писатели Гликберг и Бугаев, превратившие себя по требованию титулблатта в Черного и Белого, совершенно правильно использовали место, отведенное типографией под имена, для передачи того внутреннего освещения, точнее, того подлинного имени, которое звучит сквозь все их строки. Псевдонимы: Мультатули (multa tuli—я много перенес: Э. Деккер), Кот Мурлыка (проф. Вагнер), Барон Брамбеус (Сенковский) и др. естественно включаются в композицию заглавий подписанных ими произведений. Это особенно наглядно в тех случаях, когда заглавие и его компонент—псевдоним—образуют одну слововязь:

„Ода Пчелиной Матке от верной подданной ея Молодой Пчелы. 1794" (льстивое стихотворное послание Екатерине II), „Pseudo-plotki i prawdy spisane przez Pseudonima, 1871" (Псевдо-сплетни и факты, собранные Псевдонимом): обнажение приема.

Так или иначе, имя или псевдо-имя, ютившееся до конца XVII в. обычно на задворках заглавия, в тесной строке, понемногу начинает длиннить ее, захватывая все бóльшую и бóльшую площадь на называющем листе. Эпоха литературной покрытоименности идет к концу. Имя обрастает титулами и учеными эпитетами, украшается названиями орденов и чинов и тащит за собой на буксире некое подобие своей биографии:

„Российскнй Вертер, полусправедливая повесть, оригинальное сочинение М. С., молодого чувствительного человека, несчастным образом самопроизвольно прекратившего свою жизнь. СПБ. 1801".

„Михаила Монтаниевы Опыты. Французского дворянина, родившегося в 1533 г. Жил при владении королей своих: Франциска I-го, Генриха II-го, Франциска II-го, Карла IX-го, Генриха III-го и славного во Франции монарха Генриха IV-го; умер 13-го сентября 1599 года, 59 лет, седьми месяцев и

11 дней от рождения своего. На российский язык переведена коллежским советником Сергеем Волчковым; печатана в СПБ, при сенате 1762 года".

В последнем примере имя переселилось уже из подвала в верхнюю строку, что допускалось в то время, в практике озаглавливания, лишь для особо крупных и притом чужестранных имен-гостей. Фамилиям авторов долго еще приходится, вместе с своими биографиями и титулами, жить в нижней половине заглавия, пока к концу XVIII века фамилии эти, ценою отказа от „околоимен" и нимба из званий, титулов и славословящих эпитетов, поднявшись налегке по вертикали заглавной доски, не закрепят за собой накрепко верхнюю строку. Здесь избавившись от словесного балласта, отрезанные типографской чертой от последования слов, они раздвигают свое буквенное тело вширь, делаются, от десятилетия к десятилетию, все более и более жирношрифтными и выпяченными. Так книжный „потентат", ткнувшись о верхний обрез заглавного листа, достигает своего im: тут и жизнеописанию его конец.

Адресат книги

Марк Аврелий, назвавший свою рукопись „К себе самому", пробует тем самым о т к а з а т ь с я от читателя. Но заглавие это, при проверке его текстом, оказывается н е в е р н ы м: рукопись Аврелия, как и все рукописи и книги, рассчитана на какого-то, пусть и отцеженного от масс, но все же ч и т а т е л я. Всякая нетронутая еще раз резальным ножом книга похожа на невскрытый пакет: и поверх книги, как и поверх пакета, всегда более или менее разборчивый а д р е с. Иногда он спрятан, как пакет в пакет, в посвящение, которое, продолжая дело заглавия, называет того п е р в о г о читателя, которому адресована книга. Но чаще всего признаки „адреса" можно отыскать тут же на заглавном листе. Пожалуй, одному лишь екатерининскому вельможе Струйскому, издававшему только с е б я и только у с е б я в сельце Рузаевке, обычно в 25—50 экземплярах, удалось печататься „к себе самому", учинить переписку „из... одного угла".

Сборники литературных упражнений царского семейства, печатавшиеся под редакцией Жуковского, так и озаглавливались: „Для немногих" (Für Wenige). М. 1818 и посл.". Теми

же словами названа книга, посвященная генеалогии и геральдике русского дворянства (посл. изд. 1872. СПБ). Известный в свое время знаток родословия, игумен Ново-Спасского монастыря Ювеналий, в миру Воейков, взрастивший целый сад генеалогических древ, адресовал свои книги, обычно, еще точнее:

„Краткое историческое родословие благородных и знаменитых дворян Лопухиных во удовольствие оной знаменитой фамилии...",—или:

„Краткое историческое родословие благородных дворян Коробановых, во удовлетворение просьбы премьер-майора Павла Федоровича Коробанова": на гербовой и на простой.

Недолговечное периодическое издание, предпринятое в 1843 г. гр. Соллогубом, называет себя: „Листок для светских людей". Религиозная книжка 1821 г. выходит с подзаголовком: „Для любителей благочестия"*). Большинство подобного типа изданий, адресованных ограниченному кругу читателей, выходит в ограниченном количестве экземпляров. Но по мере того, как законы рынка и техника изданий требуют все бо́льших и бо́льших тиражей, ограничительные, как бы прячущие книгу по глухим пакетам надписи теряют свой смысл. Адрес книги или вырождается в особый шуточный прием, ищущий путем притворного стягивания круга читателя его полного разрыва, т.-е. предельного расширения,—или принимает форму перечня тех, „на пользу", „во благо" или „во увеселение" которым писана книга. По мере удлинения перечня адресатов, постепенно втягивающего в себя все читательское и даже просто грамотное наличие страны,—самая надобность в подобного рода исчислении отпадает; книга оказывается адресованной всем, т.-е. никому.

Примеры шуточного приема:

„Карманная книжка для любителей истинной философии и для тех, которые не принадлежат к числу оных. СПБ. 1816".

„Способ самый легкий и самый верный для девушек всех возрастов взять себе супруга по собственному выбору во всякое время" (s. a.).

Примеры перечневого приема:

*) Любопытно, как штрих эпохи: „Bannefour. Leçons de spiritisme aux enfants. Liège. 1883".

„Аксиома для всякого чина, состояния, пола и возраста, сочинение необходимое и преполезное. СПБ. 1804".

Детализирование того же приема:

„Словарь Ручной Натуральной Истории, содержащий историю, описание и главнейшие свойства животных, растений и минералов: с предыдущим философическим рассуждением о способе вводить свой разум в учение Истории Естественной; издание полезное для испытателей естества, физиков, аптекарей, купцов, художников и всех особ, провождающих жизнь в деревне... М. 1788".

Так вырождается и частью погибает и этот компонент заглавия: элефантиазис приводит к ампутации. И с титульного листа навсегда исчезают пометки о том, что книга „питательна для чувствительного сердца. 1796", или что она рассчитана на внимание „добрых москвитян. М. 1842".

Книга, вначале застенчивая, отдающая свои тексты лишь избранному своему читателю, ведущая свои строки лишь в одну, определенную сторону, начинает выставляться своим заглавием под все глаза. Уже в 1769—70 гг., предвосхищая ситуацию, еженедельники „Всякая всячина" и „И то и сио" зазывают с своих заглавных листов:

„Строками служу, бумагой бью челом, а обои вообще извольте покупать, купив же считайте за подарок для того, что не большего оное стоит".

Период уединенных бесед с избранным читателем (например, „Газета для отшельников", Zeitung für Einsidler, издававшаяся группой немецких романтиков в 1808 году) закончился или, во всяком случае, близок к своему концу даже на Западе, где книга зовет к себе под обложку всех платежеспособных, не разбирая ни классов, ни умонастроений: всякая всячина согласна на всячинского читателя, а господин Тоисиоков, привидившийся острому воображению одного из наших комедийных авторов умирающего века, вскоре конкретизировался, переселился в Европу и сделался там определяющим книжный рынок XIX ст. „потребителем культуры", охотно ее скупающим: ворохами заглавий и по сходной цене. Безлицость очеловечившегося This and That передалась и лицевым листам книг.

III

Мастерство озаглавливания

Заглавное слово должно быть так относимо к словам текста, как слова текста к разрабатываемому книгой слою слов жизни. Заглавие поступает с книгой так, как она с своим речевым материалом. Просторечие расплывчато, сложноцветно, ветвисто и пространно; книжная речь окантована, с подрезанными ветвями, очетчена и уплотнена; стиль заглавной строки кристалличен, без ответвлений и сплющен до отказа. Книжная речь, лаконизирующая фразеологию жизни, дающая ее в отжиме, достигает этого путем логического и художественного отбора. Т. о., технике озаглавливания приходится иметь дело не с словесным сырьем, а с художественно-переработанным материалом: прошедшее сквозь более крупное сито текста должно еще раз процедиться сквозь заглавный лист. Ясно: такого рода искусство, направленное на искусство, дохудожествление художества требует большого изощрения и сложного мастерства.

Однако, среди писателей обычно небрежное и почти снисходительное отношение к работе над заглавием: заглавную строку нахлобучивают на книгу кое-как и наспех, как шапку на голову, забывая, что это собственно не шапка, а голова, которую извне к телу не приладить.

В области сравнительной анатомии высказывалась гипотеза о том, что передние позвонки позвоночной цепи животного, постепенно эволюционируя, превращаются в так наз. голову (череп): сравнительное изучение книги показывает, что она, членясь и эволюционируя, лишь постепенно сложнит свою верхнюю (начальную) строку (или строки) в так наз. заглавие: „Октоих, или осмигласник под заглавием, с богом починается осмигласник...“ (1494): заглавие здесь протягивается текстом. Но процесс дифференциации обособляет головной позвонок от позвоночной цепи:

„Книга, глаголемая Потребник Мирской. М. 1647“, „Книга, именуемая Манная пища духовная или душевная“ (без даты).

Первая строка (точнее—первые слова) и сейчас еще защищает свои старинные права на заглавность в папских эн-

цикликах (например, „In praeclara summorum“, посвященная юбилею Данте, 1921) и... лирических стихотворениях. Но дальнейшая дифференциация вела, не останавливаясь на полупути, к полному отчленению головной строки на специальную страницу, дающую ей специальную же разбивку, шрифтовку и пунктуацию. Заглавный лист постепенно вырабатывает, не теряя срощенности с книгой, как бы свою симпатическую, нервную систему и свою автономную циркуляцию знаков. В результате: многие перья, очень хорошо себя чувствующие на заглавной странице книги, сойдя с нее в текст, теряют заостренность и хлесткость; с другой же стороны, бумажный квадрат титулблатта нередко оказывался „заколдованным“ для самых крупных мастеров текста. И если бы в параллель „историям русской литературы“ написать „историю русских заглавий“, то всю колоду литературных имен пришлось бы дать в новой растасовке: Л. Толстой и Тургенев попали бы в посредственности, а Боборыкин („Посестрие“, „Солидные добродетели“ и т. д.) и Григорович („Гуттаперчевый мальчик“, „Акробаты благотворительности“)—в метры.

Френсис Бэкон (XVII в.), озаглавливавший свои тексты довольно путанно и шаблонно, нашел в лице своего секретаря, достаточно безвестного Ревлея, человека, прекрасно дополнившего его труд: выпуская посмертные работы учителя, всю эту сложную и путанную паучью ткань, в которой медитации переплетены с экспериментами, цитаты с фактами,— Ревлей дал заглавие-синтез: „Silva silvarum“ (Леса лесов).

В ровень логической технике Ревлея — эмоциональное мастерство (если можно так сказать) Стефана Яворского, который, прощаясь с жизнью своим последним текстом (1721 за несколько месяцев до кончины), называет его: „Плачевное книгам целование“.

В. Гюго только к последнему периоду своей жизни вполне овладел заглавной строкой. Примером может служить его „Quatre Vents de l'Esprit“ (1881), построенное на двойной фоносемантической ассоциации „Quatre Vents“ с „quatre-vingt“ (поэту шел 80-й год) и с „Quatre-vingt-treize“ (1874).

Вопрос о точной квалификации заглавия, об его художественной оценке очень труден: даже при соблюдении пропор-

ций, наличии суб'екта и предиката, имя книги может быть невыразительно, в то время как иной раз и полузаглавие логически недовершенное, может производить впечатление, законченности и внутренней полноты. Во всяком случае, с оценочными суждениями не следует слишком торопиться: так, быстро закрепившееся в нашей критической литературе мнение, будто заглавие „Senilia“ Тургенева, переназванное редактором в „Стихотворения в прозе“ (словосочетание это „обронено“, как заявляло предисловие к изданию 1883 г., в сопровождавшем рукопись письме слабее и невыразительнее, можно легко оспаривать: первое заглавие имеет дело с сутью, второе с формой. И Диоген, бросивший ощипанную курицу к ногам Платона*) со словами „Се человек“ (Диог. Лаэрт.), и Пилат, указывавший толпе „Се человек“,—оба (по-своему, конечно) были правы, но первый резюмировал по внешней форме, второй—по внутреннему существу.

Так называемое „полемическое заглавие“ требует особой виртуозности в обращении со словом и в обращении слов противника на него самого: обыкновенно внутри строки, называющей полемическую работу, происходит схватка двух заглавий; закон о минимуме знаков требует, в данном случае, не вводя новых лексем, по возможности обновлять в них смысл. Так, мастерское словообращение „Философии нищеты“ (Прудон)—„Нищета Философии“ (К. Маркс), опрокинув заглавием заглавие, влечет его за собой по строке, как триумфатор поверженного врага („Misère de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la Misère de Proudon“, 1847).

Более дробные удары слов о слова:

„Что делали в романе „Что делать“ Чернышевского?“ (П. Цитович. 1879).

„А. Полоротов. Зефироты и звороты. СПБ. 1861“: тут заглавие всеми буквами повернуто на противника.

Лица и „лицевые листы“

Поскольку писатель не изменяет своему литературно-очетчившемуся лицу, и лицевые листы его книг могут быть собраны в одну тетрадь, имеющую один смысл. Заглавная строка, продергиваясь из книги в книгу, как нить, ведомая иглой, делает лишь но-

*) Платон определял человека, как „двуногое без перьев“.

вые и новые стежки, разрываясь и снова ссучиваясь. У каждого пера свой расщеп, своя особая манера сжимать текст в заглавие.

Если взять примитивные писания популярного в начале XIX в. Г. Жуи, получим следующий ряд:

„Лондонский пустынник, или описание нравов и обычаев англичан в начале XIX ст. Пер. 1822—25“.

„Антенский пустынник, или изображение парижских нравов и обычаев в начале XIX века. 1825“.

„Гильом чистосердечный, или изображение нравов и обычаев в начале XIX в. 1827“.

„Гвианский пустынник, или изображение парижских нравов и обычаев с начала XIX ст. 1828“: и автор, и переводчик, очевидно, нашли свое рабочее заглавие, которое, от книги к книге, лишь чуть шевеля буквами, остается всюду равным себе самому.

Также поступает и утаивший свое имя автор вереницы брошюр под заглавиями: „Философ горы Алаунской, или мысли при кончине Екатерины Второй“. „Философ горы Алаунской, или мысли при кончине Павла I и при вступлении на престол Александра I“, и „отшельник“, специализировавшийся по парижским нравам, и „философ“, работавший по смертевой части,—оба быстро и просто нашли свою манеру обращения с титул-блаттом. Некий Ярок (Larocque), набревший на счастливое и прибыльное заглавие „Les voluptueuses“ (Сладострастницы), только прибавлял, в течение двух десятков лет—от обложки к обложке — пояснительные: „Дафна“, „Фауста“, „Фюзетта“, „Гемина“, „Луветта“, „Фэба“ (1890),—и этого оказалось достаточным для тиража.

Однако, если с литературных окраин войти внутрь подлинной литературы, то и здесь сравнительное изучение колонок из заглавий, подписанных одним именем, дает не столь, конечно, наглядный, но все же сходный результат. Цикл романов Жорж Занд разворачивает длинный ряд имен, главным образом женских („Indiana“—„Valentine“—„Lelia“—„Andre“—„Consuelo“ и т. д.): это индивидуальные наименования индивидульных жизней, романы о разрозненных „я“. Обложки Джека

Лондона: „Сын волка“ (1900)—„Бог его отцов“ (1901)—„Дочь снегов“ (1902)—„Дети стужи“ (...of the Frost, 1902) и т. д.—сразу же ясна тема: род.

„Успокоение чувствительного человека, или собрание сочинений Арнода, содержащее в себе повести. М. 1789“: это редкое заглавие примечательно как попытка озаглавить не текст, но сумму текстов. И как бы наивна ни была она, —в основе ее здоровая тенденция: отыскать главное в самих заглавиях, поступить с ними так, как они поступают с книгой. Один автор—одно и заглавие: и если история писателя обычно говорит не о смене тем, а об эволюции единой, многообразно проявленной темы,—то и хронологический перечень заглавий, принадлежащих одному перу, большей частью показывает, в сущности, единое заглавие, данное лишь в разных возрастах своей жизни. И разные заглавные строки из-под одного пера, помещенные одна над другой, будут вести глаз, как поперечины лестницы, к завершающей формуле-заглавию, в знаках которого затиснуты вся стилистика и все мышление данного писателя.

Так, если сравнить (нарочно беру пример малой яркости) три основных заглавия А. Гончарова, получим:

Об	ыкновенная история	1846
	ломов	1859
	рыв	1869

Четвертое, заданное тремя данными, заглавие должно быть отыскиваемо в идее о сломе и срыве обыкновенного в необыкновенное (см. посмертное „Необыкновенная история“): в письме к Стасюлевичу (31 июля1868 г.) Гончаров пишет,что после неудачной полупопытки расправиться с буднями при помощи пистолета, он приобрел себе в аптечном магазине книгу („никогда книг не покупаю, а тут...“), чрезвычайно заинтересовавшую его своим „заглавием“: „Closet-Paper“*).

Материалы к вопросу о психологии озаглавливания, разбросанные большею частью по дневникам и письмам литераторов, представляют собой большую и пеструю груду. Я не

*) „...и тогда только, как купил, заметил несообразность: там пистолет, т. е. конец всему, а тут 1000 листов, т. е. около трех лет жизни заручил себе“ (там-же).

буду раскрывать моей папки, собравшей довольно много выписок: их легко высыпать на бумагу, но чрезвычайно трудно обработать и привести к единству. Настоящий беглый очерк довольствуется лишь общей тресировкой темы и методологией вопроса.

Самая общая классификация этого рода материалов, распределяет их как бы по трем коробам: Ante-Scriptum, In-Scriptum, Post-Scriptum. Заглавие „Ante-scriptum", психологически (и хронологически) предваряющее текст, тянет за собой всю книгу. Заглавная строка, требующая книги, возникающая в сознании писателя как некий императив, постепенно в процессе работы, прикрепляет к себе главу за главой, ищет их на разных путях, как локомотив, собирающий свой подвижной состав. Обыкновенно, сила тяги, скрытая в заглавии антескриптного типа, передается и сознанию читателя: так, „Sartor Resartus" (Заштопанный портной, 1833)—„тянущее" заглавие, благодаря которому текст удобно распределялся от журнального номера к номеру („Fraser's Magazine"). Но и сейчас, почти через столетие, заглавие это не потеряло своей втягивающей в книгу силы.

„Debates in Magna Lilliputia" (Словопрения в Великой стране малых, 1739) С. Джонсона—полуфельетонный материал, собранный заглавием, фрагмент за фрагментом, в книгу, и в настоящее время заставляет себя читать лишь волею своего заглавия. Любопытно, что заглавия, не успевшие развернуться в книгу, как „Исповедь великого грешника" Достоевского или „Прощальная повесть" Гоголя,—и после смерти их авторов продолжают как бы требовать текста, и иной раз эти неосуществившиеся книги осуществляют вокруг себя целую критическую литературу; такова, по крайней мере, судьба последних заглавий философа Шеллинга, о которых был осведомлен круг его друзей, но текстов к которым, после кончины философа, нигде отыскать не удалось.

В нашей литературе наиболее чистым типом озаглавливателя „антескриптного" порядка является Боборыкин: все его книги, как сообщает он сам,—вынуты из записной книжки; два-три метких слова, вписавшись в книжку, превращались у него в заглавие, заглавие обтекстовывалось: книга.

Иногда процесс накапливания, собирания элементов заглавия происходит чрезвычайно медленно и трудно: Де Костер в юности—основатель клуба литератов „Joyeux", позднее—сотрудник сатирического листка „Uylenspiegel", затем—автор „Légendes flamandes" наконец приходит к завершающей его жизнь „La Legende de Tiel Ulenspiegel et de Lamme Goedzac et de leurs avantur audacieuses, Joyeuses et glorieuses, en Flandre et ailleurs"

Наибольшее количество документов говорит о заглавиях, окончательно оформляющихся лишь в процессе работы над текстом: такое инскрипторное, внутри текста зародившееся словосочетание, раз возникнув, начинает, в свою очередь, перерождать текстовую ткань: дозаглавный рост черновика—почти всегда—резко отличен от роста черновика, уже нашедшего свое заглавие: извилистая текстовая строка кружит по прямой строке заглавия, как плющ по шесту.

Если заглавия-антескрипты обладают тягой, то заглавия постскриптного типа являются своего рода толкачами текста: они как бы спрятаны за двигающимися сквозь сознание читателя страницами текста и лишь с последними его словами делаются понятны и нужны, получают логическую наглядность, которая до того ощущалась неполно или вовсе не ощущалась. Лишь по прочтении текста, озаглавленного „Отцы и дети", мы понимаем противоставительный смысл союза „и": отцы не дети; порождающие всегда чужды порожденным.

Название посмертного рассказа Лескова „Заячий ремиз" (опубликован в 1917) дешифрируется лишь последними абзацами рассказа. Любопытно, что в процессе работы над рассказом название это пришло много позже последних строк рукописи: на обложке манускрипта, переписанного набело, оно стоит поверх старого („Игра с болваном"), перечеркнутого, очевидно, в последний момент, перед отсылкой рукописи.

Титло Однажды (1823) редактор „Литературного Листка" Ф. Булгарин получил по почте стихотворение „Птичка"; подписано — А. Пушкин. Редактор перечеркнул „птичку" и переозаглавил: „На выпуск птички". Затем следовала сноска, раз'яснявшая, что под птичкой надлежит разуметь заключенника долговой тюрьмы, которого освобождает

„благодетель", беря его на поруки. Вероятно, не малое количество заглавий постигала и постигает та же судьба: попав в правку к ремесленникам пера, они быстро подравниваются по готовым заглавным шаблонам. Старинный знак титла (~), стягивающий своим чернильным крюком слово в слог, слог в букву, действует чисто-механически и является как бы инструментом, при помощи которого работают профессиональные заготовщики заглавий, подгоняющие слова на обложках к вкусу и спросу читателя.

Ремесленная выделка заглавной строки вовсе не должна быть (с точки зрения формы—разумеется) предметом сплошного осуждения. Нет: наличие известных ремесленных навыков, быстрая и ловкая хватка букв, точный учет знаков, элегантная отделка заглавия, уменье показать книгу лицом—все это качества, которые необходимы для полной сделанности названия книги. Парижские книжные витрины в этом смысле легко побивают книжные выставки Тверской и Никитской. И заглавие-диалог учебника для детей:—„Sais-tu? Oui—retiens. Non—apprends", и литературная полу-порнография с ремесленными „Monsieur Venus" (P. 1889), „La garçonne" (P. 1924), даже желтенькие серии, механически присоединяющие к женскому имени то „en chemise", то „sans chemise" (последние, в смысле тиража, рождаются в сорочке),—все это сделано не без блеска и с особым искусством растасовывать слова: только длительный опыт, точное знание своеобразного лексикона обложки могли научить ремесленника слова стационарным заглавиям-шаблонам, овладевшим книжным рынком Запада.

Изучение заглавий этого типа приводит не столько к познанию писателя данной эпохи, сколько к познанию ее читателя. Так, следя за теми поправками и отклонениями, которые вводят в оригинальное заглавие переводчики, являющиеся зачастую лишь полу-писателями и в самом выборе книг для перевода обнаруживающие обычно вкусы и симпатии потребляющей книги среды и класса,—легко усвоить, что было главным в заглавиях для читателя данной эпохи и данного класса. „Precieuses ridicules", превращенные в „Драгыя смеянныя", аскетическое „Ars moriendi", оказавшееся вдруг „Наукой благополучно умирать", „Oeuvres divers

par A. Voltaire", обернувшиеся „Всячиной из сочинений г-на Волтера", „De virorum excellentium vita" (C. Nepos), отрекомендовавшиеся „Житиями славных генералов",—все это, усердием переводчиков, дает нам не только русского читателя начала и средины XVIII в., но и самый процесс его чтения: ведь, читать это значит переводить с чужого стиля и лексикона на свой. Осторожно примененный метод разностей, пользующийся сравнением элементов оригинальных заглавий с элементами, привнесенными из иноязычия и иномыслия, мог бы дать результаты большой значимости.

Ремесло заглавия особенно важно при построении названия, предназначенного для периодики: лишь опытным путем было установлено, что парадоксальные, построенные на игре слов или двусмыслии эпатирующие заглавия не выдерживают повтора и быстро надоедают на третьем-четвертом номерах. Выдержать повтор может лишь очень простое, не претенциозное и вместе с тем крепко сделанное словосочетание. Выгодно, если оно скроено, так сказать, на-вырост, т.-е. несколько шире текста первых №№-ов: это дает возможность раздвигать тематику журнала или газеты, не тревожа ее заглавия (последнее опасно, так как нарушает инерцию привычки, выработанную в кругу постоянных абонентов издания его заглавным повтором). Так, русское журнальное дело второй половины XVIII в. еще не успело выработать этих полезных навыков, и поэтому, например, сатирические журналы, выходившие с 1769 по 1774 г., ежегодно меняли свои заглавия, что (наряду с другими причинами) привело, несомненно, к сокращению их жизней. Современная газета и ежемесячник научились делать себе название из дюжины букв. Теперь уже невозможны издания вроде ежемесячника 1792 г., озаглавливавшего себя: „Дело от безделия или приятная забава, рождающая улыбку на челе угрюмых, умеряющая излишнюю радость вертопрахов, и каждому по его вкусу, философическими, критическими, пастушьими и аллегорическими повестями, в стихах и прозе состоящими, угождающая".

Похитители заглавий

Если аббат Пей добросовестно отмечает на лицевом листе своей книги (XVIII в.) „Мудрый в уединении, уподобленный частью сочинению Юн-

га, которое имеет то же титло" (по пер. 1789), то большинство авторов как до него, так и особенно после него редко заботится о подобного рода оговорках.

Впрочем, в случаях, когда перво-заглавие общеизвестно, заглавиям-последышам излишне об этом и напоминать. Вполне законная литературная традиция позволяет ответвлять заглавие от автора к автору. Получаются ряды: „Комедия" (Данте)—„Божественная комедия" (дантески)—„Небожественная комедия" (Словацкий)—„Человеческая комедия" (Бальзак)—„Комедия человечества" (Мадач)—и т. д.

Наряду с традицией, и пародия, являющаяся одним из видов полемического приема (см. выше), имеет право на повтор и даже деформацию заглавий, взятых под удар:

„Дым. Карикатурный роман А. Волкова и Ко, живьем взятый из художественно-сатирического романа И. С. Тургенева. СПБ. 1869".

„Понедельник. Соч. гр. Тонкого", пародировавший „Воскресение" Л. Н. Толстого через год-два после напечатания этого романа.

„Жизнь и деяния Всезнаева со всеми достопамятными его происшествиями, или горе без ума. Нравств. сатир. роман А. П. Моск., 1834": несомненна связь с заглавием комедии 1824 г. Но возможны случаи более сложные, которые труднее отнести к узаконенным литературным приемам и традициям: „Ее Крейцерова соната", вышедшая в Германии вслед „Крейцеровой сонате", уже не пародирует, а мародирует заглавие: текст книжицы, лишенной каких-бы то ни было полемических тенденций, присосался к чужому заглавию с целью использовать его рыночную стоимость—и только. Если сличить два титул-блатта:

„Масон без Маски, или подлинные таинства масонства, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно. СПБ. 1784" и „Мопс без ошейника и без цепи, или свободное открытие общества именующегося мопсами. В СПБ. 1781",

то ясно видишь, что кто-то у кого-то позаимствовал: даты—в пользу второго заглавия, смыслы в пользу первого: сличить легко—уличить трудно.

Так или иначе, можно считать установленным, что с того момента, как какая-либо книга забирает себе читательские симпатии и рынок, заглавный лист ее, как бы оторвавшись от тела книги, начинает обращаться, получает хождение, как некий заглавный знак, обеспечивающий некоторую нарицательную цену любому подклеившемуся к нему тексту.

Количество заглавий, паразитирующих на заглавиях же, неперечислимо: „Русская Шехерезада" (М. 1836); „Русский Декамерон 1831 года" (год эпидемии чумы); „Русский Пустынник, или наблюдатель отчественных нравов. СПБ. 1817" (наиболее сбитое клише; см. стр. 20); „Российский Вертер..."; „Кавказские пленницы... 1857"; с десяток заглавных вариантов „Бедной Лизы" (1796), вроде „Нещастной Лизы" капитана Раевского (1811)... обрываю перечень. Все эти заглавия-чужеядцы, добросовестны они или нет, крадут или просто берут,— сделаны всегда в расчете на то, что путь к глазу и карману потребителя книги уже проторанен заглавием-оригиналом.

Нечего уже говорить о явных мародерах обложки, сующих под ходкое название что ни попало, принюхавшихся к типографской краске и пишущих даже в обгон автора: начиная от Авелланеды, давшего продолжение „Дон-Кихота" прежде, чем это успел сделать автор, и кончая пресловутым скорописцем предреволюционных лет „Графом Амори", выбросившим на рынок ряд „продолжений" в расчете на продолжающееся действие чужих заглавий,—можно бы собрать много имен крупных и еще больше мелких дельцов пера, паразитов и сапрофитов блатта, знающих настоящую цену заглавию и умеющих на нем спекулировать.

IV

Налой и витрина

Книга прежде, чем лечь на косую подставку витрины, долго обитала на скосах аналоев. Высшая оценка для „вероучительных" писаний в самом названии: „Библия", т.-е. книга. Медлительные, с тщанием вычерчиваемые уставы и полууставы берегут слово как драгоценнейшее из драгоценного. Книга зачастую (в предупреждение пропажи)—на особой цепи, ввинченной в аналой. Заглавия книг

тоже не ищут глаз: они запрятаны в пергамент и кожу, за защелки замков и застежек. Лишь постепенно, по мере того как книга превращается из раритета в дешевую бумажную утварь, валяющуюся по всем столам и полкам, заглавие ее выползает—сначала на выгиб корешка, а оттуда и на верхнюю доску книги.

Если сравнить заглавия инкунабул, загромождающие обыкновенно весь лицевой лист сверху до низу раздробью мелких шрифтов, с крупными и разгонистыми—черным по желтому—новинками сегодняшнего европейского рынка, то разница окажется разительной: инкунабулы говорят неспеша, с обстоятельностью и расстановкой, не тая правды, звено за звеном раскрывая всю суть лежащих под заглавием текстов; куцые vient en paraitre'ы, швырнув горстью букв, замахнувшись мыслью, вдруг обрывают на полуслове, отсылая за дальнейшим к кассе и к тексту.

Мнительная добросовестность старого заглавия видна во всем и повторяется в подзаголовках и в подзаголовках к подзаголовкам, тщащихся об'яснять самое „об'яснение". Так, обычно опускаемая в теперешней заглавной практике справка о выверенности и фактической оправданности художественного материала всегда налицо на старых заглавных листах. Вот краткая прогрессия подобного рода отметок, включавшихся прежде в выработанную традицией заглавную форму (беру примеры относительно поздней эпохи):

„... сочинение без правдоподобия" (1785).
„... полусправедливая повесть" (1801).
„... быль с примесью" (СПБ. 1830).
„... справедливая повесть" (М. 1794).

Старинное заглавие, боящееся недоумений и непониманий, педантически растолковывающее и вразумляющее, расползаясь по всему лицевому листу, принуждено было, чем ближе к нижнему его краю, все более и более мельчить свои шрифты, так что они, в отличие от теперешних, часто оказывались мельче шрифта, каким отпечатан текст.

Раскройте переведенные с латинского, записанные епископом оксфордским И. Галлом „Внезапные размышления, произведенные вдруг при воззрении на какую-нибудь вещь" (1786,

рус. пер.): если, не задерживаясь на этом общем наименовании, перелистать внутренние заголовки разделов, прочтем:

„Размышление при усмотрении мухи“,
„Размышление при усмотрении большой библиотеки“,
„Размышление при усмотрении на замаранного чистильщика каналов“ и т. д.

Перу епископа Галла одинаково любопытно и радостно прикасаться к именам всех вещей, какими бы они ни были, большими или малыми, важными или пустяковыми; в нем живет радость озаглавливателя всех вещей, он проникнут пафосом титул-блатта.

Старые просторные и ветвистые заглавия постепенно вымирают. Громоздящиеся по обе стороны стереотипных „или—или“ кучи слов отвеяны временем и в относительно новом заглавии Кьеркегора (см. выше) от старой формы только и остались растерявшие свое словесное окружение слоразделы: „Или—или“.

В 1668 г. замаскированную автобиографию еще можно было называть так: „Чудаковатый Симплициссимус, или описание жизни одного чудака, по имени Мельхиор Штернфельд фон-Фуксгейм; где и как он явился на свет, что видел, познал и пережил и почему оный свет снова добровольно покинул. Чрезвычайно занимательное и во многих отношениях полезное чтение“. В 1921 г. приходится это делать покороче: „Записки чудака. Эпопея: Я“.

Знаменитый герлицкий сапожник мог мастерить свое заглавие так: „Aurora или Утренная Заря в восхождении, то-есть Корень или Мать философии, астрологии и теологии на истинном основании или описание природы: как все было и как все стало вначале; как природа и стихии стали тварными, также об обоих качествах, злом и добром; откуда все имеет свое начало, и как пребывает и действует ныне, и как будет в конце сего времени; также и о том, каковы царства Бога и Ада, и как люди в каждом из них действуют тварно: все на истинном основании и познании духа, в побуждении божием, прилежно изложено Яковым Бёме в лето Христово 1619 в городе Герлице, возраста же его на 37 году, во вторник, в Троицын день“.

А современный популярный биолог-экспериментатор Воронов оповещает о сенсационных опытах своей парижской лаборатории: „Vivre" (P. 1920). И все.

Прежде уютные постройки из слов: „Повивальная бабка, или достоверное наставление через вопросы и ответы, каким образом женщине плодом благословенной в родах вспоможение чинить. М. 1764". Теперь сухо стучащие слоги: „Токология Токгем" (с пред. Л. Толстого). И самое заглавие современности кажется рожденным по параграфам токологии: сухо, четко и деловито.

От „Повести без заглавия" к заглавию без повести

Рукопись XVI в., приписываемая иноку Зиновию, известна под именем: „Послание Многословное". Современные рукописи досылаются до глаз читателя лишь при условии малословия. Если прежде громоздкому фолианту было просторно на доске аналоя, то теперешним книжным фабрикатам тесно и на просторных подставках витрин. Выставившись своими заглавиями наружу навстречу глазам прохожих, книги должны уметь войти им в зрачки, впрыгнуть своими заглавными знаками в сознания мимо идущих. Одно из мастерских заглавий последних лет—„От вечного к преходящему" (Е. Лундберг): мы не располагаемся на всю вечность, данные нам под жизнь отрезки времени мы не спутываем в клубки, а прямим и натягиваем, как струны. Секундная стрелка толкает нас мимо и дальше: нам некогда прочитывать все книги,—даже заглавия их, если они слишком длинны и извилисты, не успевают задержаться в наших сознаниях.

Мы требуем часа, сплющенного в секунду; короткой фразы вместо периода; слова вместо фразы; знака вместо слова. В тексте мы сдвигаем точки на расстояние полустроки; из заглавия мы их выбрасываем вовсе. Из веера обложек, мелькнувших за витриной, мы берем в мозг лишь три-четыре стимулирующих мысль слова,—и дальше.

Джон Беркли был первым, придумавшим строить миросозерцания не из тяжелых книжных кирпичей, а из сращения тезисов и формул; вся сложная метафизическая фантасмагория Беркли, втянув в себя свои радиусы, легко уместилась на стопке бумаги весом в пять-шесть лотов: „Я не люблю

слов,—писал этот матафизик в предисловии ко 2-му изданию своей книги-конспекта,—и стараюсь, по возможности, обходиться без них".

Всякий писатель, поскольку он писатель, лаконизатор лексики: слова, окунувшись в его чернила, должны—как от коллодия—стягиваться и отплотневать; отделив ядра от шелухи, сутевое от несутевого, книга отбрасывает лишки за свой обрез. И поскольку вся жизнь нашей эпохи лаконична и лапидарна, ищет схематики и опрощения, замещает трактат лозунгом, фолиант—листовкой, многословие увещательных „разглаголов" (XVII—XVIII вв.)—командой, бытие и художество естественно совпадают в основном своем приеме: чистке.

Сейчас искусство озаглавливания на переломе. Слишком многое—говоря языком типографии—надо в ссыпь. Книжный „искатель" ждет своего переоборудования. Старые темы не темы, потому что не те мы.

Несомненно, титул-блатт в ближайшие десятилетия будет плацдармом для старых и новых методов озаглавливания. И одно довольно старое заглавие—мы должны ему быть благодарны за это—пробует предсказать исход борьбы: „Забавное повторение грамматики или, война частей речи за первенство глагола пред именем. М. 1816". Если поверить этому предсказанию, нам предстоит: диктатура глагола над именем, предиката над подлежащим (лежащим под), динамики над статикой, завтра над вчера,—и это не для всех окажется „забавным". Статическая манера озаглавливания заставляла столетие тому назад сочинителя утопии Кабэ расходовать на ее название около 100 слов, но уже в 1893 г. Шираку (Chirac) достаточно для этого одного „Si...".

Книга, как и все вокруг нее, ищет выйти на и за свою обложку в свое вне. Заглавия, сказав себя лозунгом и афоризмом, иной раз и не успевают—в беге дней—превратиться в книги: слова их не оставляют потомства слов. Самые наши тексты, лаконизируясь в короткие, оторванные друг от друга строки, становятся похожими на склады заглавий, не добившихся выхода на обложку. Разрезальный нож все реже и реже находит себе покупателя.

Мы начинаем понимать, что и в мирке, сделанном из бумаги и типографской краски, и за пределами его, всюду, где ворошится слово,—самое главное в заглавном. Искусство обращаться с наименованием, бережь слова, буква, взятая на учет—новое искусство новой эпохи: если прежде перо, надписывающее книгу, успокаивалось иной раз на формуле отказа от формулы—отсюда все эти „Без заглавия", „Повесть без заглавия" (очень распространенное имя книг) и т. д. и т. д.—то теперь писатель, поставленный перед или—или, скорее изберет заглавие без повести, чем „повесть без заглавия". Перо научено скоростями нашего теперь не только скользить по строке, но и бить—от строки—наотмашь: стиль малоречивости, уменье расправиться с темой в два-три слова, стал стилем эпохи. Это надо понять и... принять.

За четверть тысячелетия до нас, отрок Лейбниц, играя с книгами отцовской библиотеки, задумал революцию языка, то, что впоследствии он, применив научный метод, назвал „Globus intellectualis". Ему хотелось сжать тела и смыслы слов до емкости и точности алгебраических знаков. Теперь все ближе и ближе момент, когда орбитам земного глобуса и globus intellectualis, а неизбежно—встретиться.

Задача книги: логически окантовав тему, передать ее исследователям, имеющим бо́льшее моего право на ее разработку. Поэтому, оставляя почти все свои предикаты при себе, ограничиваюсь заглавием: „Поэтика заглавий".

III-IV. 1925
Москва

Цена 50 коп.

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
„НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ“
Москва, улица Герцена, д № 24 Телефон 4-64-17